Аналитическая записка: «Новая финансовая архитектура: что стоит за проектом ВФЦ на острове Русский»

Дата: 11 сентября 2026 г. **Предмет:** Восточный финансовый центр (ВФЦ) на острове Русский как институциональная проекция исследовательской программы «Торгово-промышленно-финансовый интернет» (ТПФИ) и «Платформы гармоничного развития»

---

1. Постановка вопроса

Проект Восточного финансового центра на острове Русский, анонсированный в 2025–2026 годах и подкреплённый законопроектом о специальном правовом режиме, при первом приближении воспринимается как очередная попытка создать офшорный финансовый хаб для дружественных стран — «входную дверь в российскую экономику с Востока». Такая трактовка не ошибочна, но поверхностна. Она фиксирует регуляторную оболочку и не видит того, что за ней стоит: **многолетней исследовательской программы, которая с 2018 года последовательно разворачивается на страницах журнала «Цифровая экономика» и к 2026 году приобрела вид целостной альтернативы действующей глобальной финансовой архитектуре.**

Задача настоящей записки — реконструировать эту программу в её хронологической и логической последовательности, показать, каким образом правительственный проект ВФЦ соотносится с ней, и оценить, какие элементы полной концепции вошли в законопроект, а какие остались за его пределами. Такой анализ необходим потому, что от ответа на вопрос «что именно институционализируется на острове Русский» зависит оценка устойчивости и масштаба проекта.

---

2. Исследовательская программа: от исторических предпосылок к целостной концепции

2.1. Исторические корни: ЕГСВЦ и ОГАС (1959–1980-е)

Первая статья, открывающая хронологическую цепочку, — «Торгово-промышленно-финансовый интернет (ТПФИ) — единое цифровое пространство экономического взаимодействия. Предыстория и перспективы» (апрель 2022, авторы Гурдус, Китов, Чесноков, Пастухов) — возводит линию проекта к советским разработкам, опередившим западные аналоги. В 1959 году военный инженер Анатолий Китов представил проект Единой государственной сети вычислительных центров (ЕГСВЦ) — за несколько лет до начала работ над ARPANET. Позднее академик Виктор Глушков развернул проект ОГАС, который предполагал, среди прочего, внедрение электронных денег для взаиморасчётов между предприятиями (1962).

Оба проекта не были реализованы — и, что принципиально для дальнейшего изложения, **причиной поражения называется не техническая незрелость, а ведомственная**

разобщённость. Этот диагноз задаёт лейтмотив всей последующей программы: главное препятствие для единого цифрового пространства экономики лежит не в технологиях, а в институциональной фрагментации и отсутствии общего протокольного слоя. Именно поэтому в позднейших статьях центральное место занимают не вычислительные мощности, а **стандарты, протоколы и архитектура взаимодействия**.

Существенно и другое: сама мысль о том, что единое цифровое пространство экономики есть задача государственного масштаба, а не частной инициативы, унаследована именно от этого советского периода. Программа ТПФИ, при всей её ориентации на открытые международные стандарты, сохраняет эту «государственническую» генетику — и в этом её отличие от чисто либертарианских проектов децентрализации.

2.2. Экономика связей и интернет объектов (2018)

Следующий шаг — статья Гурдуса «Экономика связей и интернет объектов (моделей)» (май 2018). Здесь вводится ключевое понятие: **экономика связей** — экономика прямого взаимодействия между любыми объектами с минимальными транзакционными издержками. Рост такой экономики базируется не на увеличении активов, а на **создании новых связей между экономическими объектами**.

Инструментом для этого должен стать интернет объектов (цифровых двойников) — следующий шаг развития глобального интернет-сервиса после «интернета страниц». Логика такова: интернет страниц связал документы, но не связал экономические объекты; следующий слой должен связать именно их, сделав возможным автоматическое, без посредников, взаимодействие — от производственной кооперации до расчётов. В этом смысле «экономика связей» есть не что иное, как попытка довести до логического предела тенденцию, которую экономическая теория давно описывает как снижение трансакционных издержек, но довести её не в рамках отдельных платформ, а в рамках **общего протокола**.

2.3. Экосреда интернета объектов (2018–2019)

В статьях «Экосреда интернета объектов» (декабрь 2018) и «Экосреда интернета объектов как инструмент создания единого цифрового пространства экономического взаимодействия» (июль 2019) концепция получает архитектурное оформление. Вводятся два базовых определения:

- **Информационная экосреда** — программный комплекс для создания унифицированной среды взаимодействующих информационных объектов.
- **Цифровая платформа** — система алгоритмизированных взаимоотношений независимых участников отрасли, снижающая транзакционные издержки. Принципиально, что цифровые платформы существуют **внутри** информационной экосреды, а не вместо неё.

Здесь же фиксируется, что архитектура интернета объектов реализует именно торгово-промышленно-финансовый интернет (ТПФИ). Иными словами, ТПФИ — не один из сервисов, а **способ существования** интернета объектов в экономической сфере. Это различение важно: оно позволяет понять, почему в программе финансы не выделяются в отдельную отрасль, а рассматриваются как сквозная функция всей экосреды.

2.4. ТПФИ как самостоятельная концепция (2022)

К апрелю 2022 года ТПФИ оформляется как самостоятельная концепция. В упомянутой статье подчёркивается: «жизненно важные потребности нашей страны в суверенитете полностью соответствуют предложению по созданию единого цифрового пространства экономического взаимодействия на основе торгово-промышленно-финансового интернета». Тем самым суверенитет переопределяется: это не изоляция, а **способность действовать в едином пространстве, не будучи отключённым от него третьими лицами**.

Этот тезис заслуживает особого внимания. В нём сформулирована своего рода диалектика суверенитета и связности: подлинный суверенитет сегодня состоит не в отгораживании, а в гарантированном доступе к общему пространству взаимодействия. Отсюда — прямая линия к понятию цифровой субъектности, которое появится двумя годами позже.

2.5. Цифровое метапространство полицентричного мира (2024)

Статья «Цифровое метапространство полицентричного мира» (апрель 2024, Гурдус, Китов, Пастухов, Чесноков) существенно расширяет рамку. Ключевые положения:

- **Многополярный мир** — это военно-политическое представление. В цифровом измерении ему соответствует **полицентричный мир**, где сложность управления выше, поскольку центров много и каждый обладает собственной субъектностью.
- В метапространстве появляется понятие **цифровой субъектности**: резиденты (люди, компании) приобретают способность действовать, и **доступ к их счетам и данным не может быть заблокирован третьими лицами**.
- Сквозные технологии метапространства: децентрализация доступа к планированию, балансовые методы, доступ к первичной информации, стандарты самоорганизации («программно-определяемые кооперации»), универсальные цифровые расчётные единицы — новая резервная цифровая валюта.
- Архитектура ТПФИ требует **трёх управляющих систем**: сервер транзакций (GTS), супервизор объектов (DTNS — digital twins network system) и media server.

Это важнейший слой: именно здесь техническая архитектура впервые прямо связывается с политической субъектностью и с идеей новой резервной валюты. Показательно, что в перечне сквозных технологий рядом стоят сугубо технические элементы (GTS) и элементы институциональные (стандарты самоорганизации, балансовые методы). Программа сознательно отказывается разделять технику и институты: протокол и есть институт.

2.6. Технологические аспекты финансового центра на острове Русский (2023)

Статья «Технологические аспекты создания единого цифрового пространства экономического взаимодействия. Международный финансовый центр на острове "Русский". Новая международная резервная валюта» (№4, 2023) — прямой предшественник правительственного проекта. Здесь описаны:

- **Эмиссионная рента** как новый целевой ориентир вместо прибыли;

- **Универсальная цифровая расчётная единица (УЦРЕ)** — инструмент пошагового перехода стран БРИКС+ к совместной проектной деятельности;
- Четыре базовые технологии: **SPA** (скрытые персональные счета), **DEM** (цифровая эмиссионная модель), **ODP** (офлайн-платежи), **LRDC** (цифровые контракты, читаемые юристом);
- **Особая цифровая экономическая зона на острове Русский** с экстерриториальным нахождением субъектов.

Таким образом, ещё за два года до правительственного законопроекта в исследовательской литературе была сформулирована и география (остров Русский), и институциональная форма (особая зона с экстерриториальными субъектами), и технологический набор. Это даёт основание говорить не о совпадении, а о **прямой преемственности**: законопроект 2025–2026 годов концептуально вторичен по отношению к статье 2023 года.

2.7. Платформа гармоничного развития (май 2025)

Статья «Платформа гармоничного развития — альтернатива программы устойчивого развития» (Андрианов, Гурдус, Китов, Чесноков) формулирует мировоззренческий фундамент всей программы:

- 17 целей устойчивого развития ООН не решены и не решаются; глобализация была использована для «неоколониального ограбления остального мира»;
- препятствие развитию — система ценностей, основанная на безусловном приоритете денежной прибыли;
- предлагаются **8 принципов гармоничного развития**: традиционные ценности (семья, труд, знание); всеобщая неделимая безопасность; единство в многообразии; право на достойную жизнь; следование фактам и нравственным ориентирам; технологии служат человеку; переход от экономики потребления к экономике развития; планета как священный дар;
- целью развития должен стать **не рост прибыли, а баланс системы при росте качества жизни** — продолжительность жизни, здоровье, питание, доступ к информации, энергия, экология, жильё;
- финансовая система должна стать **сквозной технологией единого цифрового пространства**, обеспечивающей его связность; предлагается построение **эмиссионно-процессингового центра** — географически распределённой сети нейтральных дата-центров.

Этот слой принципиален: он показывает, что речь идёт не о техническом проекте, а о **смене целеполагания** — с прибыли на баланс и качество жизни. Здесь же становится ясно, почему финансовая система трактуется именно как сквозная технология: если цель — баланс и качество жизни, то финансы перестают быть самостоятельной сферой накопления и становятся инструментом обеспечения связности всей системы.

2.8. Глобальное управление и устойчивый полицентризм (декабрь 2025 — январь 2026)

Цикл статей Чеснокова и Андрианова о глобальном управлении:

- **Статья 1 (декабрь 2025)**: «К вопросу о формировании полицентричной системы глобального управления» — анализ исторического контекста и системного кризиса однополярной модели.
- **Статья 2 (январь 2026)**: «Дихотомия и поиск устойчивого полицентризма» — концептуальный подход, основанный на дихотомии «централизация — децентрализация». Ключевой тезис: исторически полицентризм был неустойчив из-за экспоненциального роста транзакционных издержек координации. Но формирование **экстерриториального цифрового метапространства** создаёт принципиально новые условия — возможность делегировать часть управленческой сложности информационным системам. Целевая функция глобального управления — достижение **устойчивого полицентризма**, где единство обеспечивается на уровне протоколов и стандартов, а разнообразие — на уровне ценностей и суверенных моделей развития. Дихотомия превращается «из источника нестабильности в ресурс гармоничного развития».

Здесь программа достигает наибольшей концептуальной ясности. Устойчивый полицентризм мыслится не как компромисс между централизацией и децентрализацией, а как **снятие самой дихотомии** через передачу части координационной сложности информационным системам. Это — сильный теоретический ход, который отличает программу от большинства современных разговоров о «многополярности».

2.9. Некоторые аспекты глобального управления (май 2026)

Самая свежая статья цикла — «Некоторые аспекты глобального управления в едином цифровом пространстве социально-экономического взаимодействия» (май 2026). Подчёркивается: в период фрагментации, сменившем глобализацию, важнейшими становятся проблемы глобального управления и субъектности. Решение — новое целеполагание, реализация ТПФИ на основе интернета объектов и открытых международных стандартов, а также **сетецентрические методы управления**. Субъектность означает, что доступ к персональным данным и расчётным счетам не может быть заблокирован третьими лицами — **собственником информации является сам субъект**.

Эта формулировка замыкает круг: то, что в 2022 году называлось «суверенитетом», в 2026 году раскрывается как «субъектность» отдельного резидента. Программа проходит путь от государствоцентричной риторики к защите прав конкретного участника — и в этом её внутренняя логика.

---

3. Единая картина: четыре уровня программы

Теперь можно увидеть полную архитектуру замысла, как она разворачивается в статьях журнала:

Уровень	Содержание	Ключевая статья
Мировоззренческий	8 принципов гармоничного развития как альтернатива целям устойчивого развития ООН; переход от экономики прибыли к экономике развития	«Платформа гармоничного развития» (май 2025)
Геополитический	Устойчивый полицентризм; дихотомия централизации и децентрализации; цифровое метапространство как инфраструктурное условие преодоления цикличности	«Глобальное управление. Статьи 1–2» (дек 2025 — янв 2026)
Архитектурный	ТПФИ как новый глобальный интернет-сервис; интернет объектов (цифровых двойников); экономика связей	«ТПФИ» (2022), «Цифровое метапространство» (2024)
Финансово-технологический	Эмиссионно-процессинговый центр; УЦРЕ; эмиссионная рента; SPA, DEM, ODP, LRDC	«Технологические аспекты...» (2023)
Практический (правительственный)	Восточный финансовый центр; законопроект о специальном правовом режиме на острове Русский	Правительственные инициативы (2025–2026)

Из этой таблицы видно: «инициатива гармоничного развития» — не побочный термин, а **идейный стержень всей программы**. Платформа гармоничного развития задаёт ценностные ориентиры, ТПФИ — технологическую инфраструктуру, финансовый центр на острове Русский — конкретную институциональную реализацию, а концепция устойчивого полицентризма — геополитическое обоснование. Все эти слои разработаны одной группой авторов (Гурдус, Китов, Чесноков, Пастухов, Андрианов) и публикуются в одном журнале на протяжении 2018–2026 годов.

Существенно, что уровни не просто сосуществуют, а **предполагают друг друга**. Эмиссионная рента (финансово-технологический уровень) имеет смысл только при отказе от примата прибыли (мировоззренческий уровень). Устойчивый полицентризм (геополитический уровень) технически возможен только при наличии протокольного слоя, снижающего издержки координации (архитектурный уровень). А особая зона на острове Русский (практический уровень) есть не что иное, как место, где эта взаимная предположенность должна быть впервые проверена на практике.

---

4. ВФЦ как практическое оформление: что вошло, что осталось за рамками

Важное уточнение: правительственный проект Восточного финансового центра — это **практическое оформление идей, которые разрабатывались в этой исследовательской программе как минимум с 2018 года**. Законопроект берёт из концепции ключевые элементы, но оформляет их в более узком, регуляторном формате.

Что вошло в законопроект:

- цифровые расчёты и мультивалютность (соответствует логике УЦРЕ и DEM);
- экстерриториальное нахождение субъектов (соответствует идее особой цифровой экономической зоны);
- финтех-специализация и ориентация на дружественные страны (соответствует рамке БРИКС+);
- специальный правовой режим как инструмент снижения транзакционных издержек для внешних участников.

Что осталось за рамками регуляторного текста:

- **эмиссионная рента** как целевой ориентир вместо прибыли — в законопроекте отсутствует;
- **принцип цифровой субъектности** (неблокируемость счетов и данных третьими лицами) — не выражен в нормах;
- **полная архитектура ТПФИ** (GTS, DTNS, media server, интернет объектов) — не упоминается;
- **8 принципов гармоничного развития** — полностью вне регуляторного языка;
- **эмиссионно-процессинговый центр** как распределённая сеть нейтральных дата-центров — не является предметом законопроекта.

Иными словами, ВФЦ — это **институциональный вход, а не конечная форма** программы. Он упаковывает в регуляторный язык наиболее операциональные и политически наименее конфликтные элементы технической архитектуры.

---

5. Три ключевых напряжения

Первое: конфликт целевых функций. Ядро программы — замена прибыли эмиссионной рентой как сигналом экономической деятельности. Но правовая рамка ВФЦ неизбежно встраивается в действующую российскую финансовую систему, ориентированную на прибыль. Сосуществование старой и новой целевых функций на старте проекта может породить **искажение стимулов**: участники будут использовать специальный режим для арбитража, а не для практики «создания связей», которую предполагает экономика связей.

Второе: институциональный парадокс полицентризма. Программа утверждает, что полицентризм достигается через единство на уровне протоколов и стандартов. Но создание

ВФЦ — это **централизованный акт суверенной власти** (указ, федеральный закон, назначенная территория). Как запустить в рамках одной юрисдикции архитектуру, по определению являющуюся **межюрисдикционной**, — это структурный вызов, который законопроект не решает и, по-видимому, не ставит.

Третье: сложность регуляторного закрепления субъектности. Принцип «счета и данные не могут быть заблокированы третьими лицами» в программе — это технико-институциональное обещание. В российском регуляторном контексте он неизбежно вступит в напряжение с требованиями по противодействию отмыванию, валютному контролю и локализации данных. Технические решения программы (SPA, ODP) — это **архитектурный обход** действующей регуляторной парадигмы, а не оптимизация внутри неё. Перенос этих решений в законопроект потребовал бы пересмотра более широких норм, на что проект, судя по его текущему виду, не претендует.

К этим трём напряжениям стоит добавить и четвёртое, менее очевидное. Программа на протяжении восьми лет развивается в **замкнутом авторском коллективе и на страницах одного журнала**. Это обеспечивает концептуальную целостность, но создаёт риск герметичности: идеи, не прошедшие через широкую академическую и экспертную дискуссию, труднее поддаются коррекции. ВФЦ как первый практический шаг мог бы стать такой внешней проверкой — но лишь при условии, что вокруг проекта развернётся содержательная полемика, а не только ведомственное согласование.

---

6. Выводы

1. **ВФЦ — не самостоятельный проект, а институциональная проекция исследовательской программы**, разворачивающейся с 2018 года и имеющей более глубокие исторические корни (ЕГСВЦ, ОГАС). Понимание этого необходимо для адекватной оценки перспектив: устойчивость ВФЦ зависит не от качества регуляторного текста, а от того, насколько полно удастся подключить к нему архитектурный и целеполагающий слои программы.
2. **Ценность ВФЦ не в том, что это «ещё один офшор»**, а в том, что это **первая попытка государственной институционализации альтернативной финансовой архитектуры** — с собственными расчётными инструментами, собственным целеполаганием (эмиссионная рента) и собственной системой управления (сетецентрические методы в полицентричном цифровом метапространстве).
3. **Ключевой риск — редукция программы до regulatory sandbox.** Если ВФЦ останется на уровне расчётных инструментов и налоговых льгот, не встроив протокольный слой интернета объектов и не артикулировав принцип субъектности, он превратится в качественный, но локальный финансовый анклав. Если же удастся поэтапно подключить архитектурный и мировоззренческий слои, проект может стать **первым институциональным образцом финансовой архитектуры постглобализационного мира**.
4. **Практическая рекомендация для аналитиков и лиц, принимающих решения:** при оценке ВФЦ следует различать три горизонта — (а) краткосрочный регуляторный

эффект (привлечение капитала, расчётные сервисы), (б) среднесрочное архитектурное развёртывание (интернет объектов, УЦРЕ, эмиссионно-процессинговый центр), (в) долгосрочную целевую функцию (гармоничное развитие, устойчивый полицентризм). Смешение этих горизонтов ведёт либо к недооценке проекта, либо к необоснованным ожиданиям.

---

7. Итоговая формулировка

За проектом ВФЦ на острове Русский стоит не просто финансовая инициатива, а **многолетняя исследовательская программа, предлагающая целостную альтернативу действующей глобальной финансовой архитектуре**. Её ядро — суверенизация протокольного слоя экономического взаимодействия, снижение транзакционных издержек через интернет объектов, замена прибыли эмиссионной рентой как целевым ориентиром и обеспечение цифровой субъектности резидентов. Правительственный проект ВФЦ — это первый, пока ещё неполный, шаг институционализации этой программы. От того, будет ли сделан второй и третий шаги, зависит, останется ли ВФЦ «окном в российскую экономику с Востока» или станет **первым институциональным образцом новой финансовой архитектуры**.